

Ю. В. ОТКУПЩИКОВ

РУССКОЕ ДИАЛ. КУВИКЛЫ

Название старинного русского духового инструмента в виде многоствольной флейты, состоящей из нескольких трубочек разной длины (тип „флейты Пана“), засвидетельствовано в формах *кувiклы*, *кугiклы* и *кувiчки*¹. Из них только последняя отмечена в „Словаре русских народных говоров“ (1979 XV 390). Остальные варианты слова не привлекали к себе внимания диалектологов и этимологов.

Небольшие заметки об этом музыкальном инструменте можно найти в энциклопедиях², подробную статью о нем написал Л. Кулаковский³. Последний отмечает исключительную архаичность кувикл, которые отражают „первые этапы инструментальной музыки и даже ее возникновение“. Ареал, в котором распространено слово и соответствующая реалья — Брянская, Орловская и Курская области⁴.

Единственная известная мне этимология слова исходит из формы *кугиклы*, которую связывают с названием болотного растения *куга́*, из которого кугиклы изготавливаются⁵. Однако перед нами — типично народноэтимологическое толкование. Словом *куга* обозначаются различные виды преимущественно болотных растений, обычно используемых для плетения. Само слово является сравнительно поздним заимствованием из казахского языка (Фасмер ЭСРЯ II 398), оно отсутствует в других славянских языках, что плохо вяжется с архаичным типом самого инструмента (в случае принятия упомянутой этимологии). К тому же, кувиклы изготавливаются из стволов

¹ Мое внимание на это слово обратила Ю. Е. Немова, за что я приношу ей свою глубокую признательность.

² Новый энциклопедический словарь (бывш. Брокгауз-Ефрон). — Пг., s. a., т. 23, стлб. 576 (статья *кувички*); Большая советская энциклопедия, 3-е изд. — М., 1973, т. 13, с. 554 (статья *кувиклы*).

³ Кулаковский Л. У истоков русской народной музыкальной культуры. — Сов. музыка, 1940, № 10, с. 69—75.

⁴ Там же, с. 70.

⁵ Штейнпресс Б. С., Ямпольский И. М. Энциклопедический музыкальный словарь. — М., 1966, с. 253.

дягиля, купыря, дудника, бузины, тростника⁶. О куге пишут только авторы этимологии *куга́* → *кугíклы*, не учитывая при этом, что ни в русском, ни в других славянских языках вообще нет подобной словообразовательной модели.

Мне уже приходилось высказывать свои соображения по поводу того, что рус. диал. *кувiклы* (*кугíклы*) представляет собой балтизм, не отмеченный ни в словаре Ю. А. Лаучюте⁷, ни в других работах по славянским балтизмам⁸. По своему характеру *кувiклы* — явно древнее звукоподражательное слово. В целом ряде индоевропейских языков ономастопоэтическая основа *kuvi-* имеет множество производных, связанных главным образом с криком свиньи, совы, ребе — ребенка. Славянские примеры: рус. диал. *куви* — междометие (о визге свиньи), *кувикать* „визжать (о свинье)“, укр. *кувiкати* „кричать (о поросенке и о сове)“, чеш. *kuvíkati* „издавать звуки подобно ночным птицам“, *kuvík* „сыч“, пол. *kuwikać* „кричать (о сове)“ и др. Примеры из других индоевропейских языков: лит. *kūvỹ* — междометие (о крике поросенка), *kūviksėti* „кричать (о поросенке или сове)“, *kvỹkti* „кричать (о поросенке, ребенке)“, *kūvēklis* „плакса (о ребенке)“, *kvyklỹs* „kas kvukia (о поросенке, ребенке)“, *kvỹklynė* „глотка“, лтш. *kvīka* „визгливая свинья“, нем. *quieken* „пищать, визжать“, др.-инд. *kuvi-* „сова“, др.-греч. $\kappa\omicron(F)\acute{\iota}$ — междометие (о крике поросенка) и др.

Наряду со звукоподражательным *кувi-*, известна также синонимичная основа *куг(í)-*: укр. *кугик* „сова“, *кугач* „сыч“, *кугикати* „кричать куги! куги!“, рус. диал. *куга́* — междометие (о крике совы), блр. *кугакаць* „плакать (о грудном ребенке), кричать (о сове)“. Интересно сложное белорусское областное слово *кугакаўка* „неясыть (вид крупной совы)“. Первая его половина совпадает со основой лит. *kūgauti* „кричать“, а вторая — с лит. *kaĩkti* „выть, плакать“.

Приведенные примеры вряд ли могут вызвать сомнение в том, что рус. диал. *кувiклы/кугíклы* имеют звукоподражательное происхождение и что слово это образовано на основе, отличающейся исключительной древностью. Вместе с тем словообразовательная интерпретация рус. диал. *кувiклы* на славянской почве оказывается весьма затруднительной. Очевидно, что от *кувикать* образовать производное *кувиклы* невозможно. Ни один звуко-

⁶ Кулаковский Л. Указ. соч., с. 70—71. См. также: Кулаковская Н., Кулаковский Л. За народной мудростью: Рассказы о русском фольклоре. — М., 1975, с. 15.

⁷ Лаучюте Ю. А. Словарь славянских балтизмов. — Л., 1982.

⁸ Откупщиков Ю. В. Балтизмы в русских диалектах и некоторые вопросы этногенеза балтов. — В кн.: Проблемы этногенеза и этнической истории балтов: Тез. докл. Вильнюс, 1981, с. 109—112.

подражательный (или иной) глагол на *-ікать* не дает в русском языке производных подобного типа: есть глаголы *пиіікать*, *тиіікать*, *чиіікать*, *цвиіікать*, *хихіікать*, но нет слов **хихііклы* (-ла, -ло), **тиііклы* и т. п. В то же время все известные образования подобного рода с исходом на *-кл-* плюс флексия обычно представляют собой балтизмы в русском, белорусском и польском языках, причем *-kl-* в языке-источнике обычно является суффиксом, генетически соответствующим пол. *-dl-*, рус. *-л-* (ср. лит. *árklas* = пол. *radło* = рус. *рало*). Наличие неисконного суффиксального *-кл-* в слове, как правило, надежно сигнализирует о его балтийском происхождении: лит. *asiūkliš* „хвощ“ → пол. диал. *asiukla*, рус. диал. *асіюкля* „трава“, лит. *gūrklis* „кадык“ → пол. диал. *gurklis* „то же“, лит. *karklėnas* „ивняк“ → ст.-блр. (с 1600 г.) *карклинъ* „то же“, пол. диал. *korklina* „куст ивы“, лит. *burbėklis* „ворчун“ → пол. диал. *burbaklis* „то же“, лит. *žuklėys* „рыбак“ → ст.-блр. *жукль*, лит. *dabōklė* „арестантская“ → рус. диал. *дабóкля* „то же“ и др. Интересным является литуанизированный славизм *ženiklis* „жених“, проникший с литовским суффиксом *-kl-* обратно в диалекты польского языка (→ *ženiklis*)⁹.

Именно наличие суффикса *-kl-* явилось главным аргументом для Б. А. Ларина, чтобы отнести ст.-блр. (с 1457 г.) и ст.-укр. (с 1444 г.) *дякло* к числу литуанизмов, несмотря на затруднение с объяснением *я в дякло* (лит. *duoklė* должно было дать **дукля*)¹⁰.

Слово **kūvỹklai*, которое послужило источником заимствования диалектного русского слова, в литовском языке не засвидетельствовано, но его реконструкция представляется вполне надежной: лит. *kūvỹ* (о крике поросенка) и *kūviksėti* позволяют выделить глагольную основу *kūvy-* или *kūvyk-*, которая естественно должна дать **kūvỹklas* (< **kūvy-klas* или **kūvyk-kl-as*¹¹), мн. ч. **kūvỹklai* → рус. диал. *кувіііклы*. Реконструированная форма **kūvỹklas* в словообразовательном плане относится к реально засвидетельствованному слову *kūvēklis* „плакса“ точно так же, как, напр., лтш. *mīstīklas* (мн. ч.) — к *mīstēklis* „льномялка“ (МЕ II 647).

Отсутствие слова **kūvỹklai* в литовском языке отнюдь не исключает воз-

⁹ Примеры даны по указанному в примеч. 7 словарю Ю. А. Лаучюте.

¹⁰ Ларин Б. А. Лекции по истории русского литературного языка (X—середина XVIII в.). — М., 1975, с. 105. Затруднение, отмеченное Б. А. Лариным, отпадает, если в качестве источника восточнославянских слов принять не *duoklė* „подать зерном или хлебом“ (как считал Б. А. Ларин), а *dėkla* „древняя мера зерна“ (4 или 1½ бочки). См.: Лаучюте Ю. А. Указ. соч., с. 36.

¹¹ См.: Skardžius P. Lietuvių kalbos žodžių daryba. — V., 1943, с. 194—196, где приведены примеры с изменением (g-kl->)k-kl->-kl-. Ср. также лит. *kaikti* „выть, плакать“ → *kaikla* „плакса“ (< **kai-kl-a*).

возможности его существования и последующего заимствования в диалекты русского языка. Подобные случаи надежно засвидетельствованы в истории балто-славянских лексических связей. Ограничусь только одним примером с тем же балтийским суффиксом *-kl-*. Блр. *lánikla*, *-lo* „заплата“ этимологизируется как производное глагола, имеющегося как в белорусском (*lániць*), так и в литовском (*lópųti*) языке. Оба глагола означают „чинить, латать“. Однако словообразовательная модель белорусского слова — чисто балтийская, и хотя в литовском языке не засвидетельствовано слово **lópųkla(s)* „заплата“, блр. *lánikla* относится к числу белорусских балтизмов¹². Интересно отметить, что, как и в случае с **kūvūklas — kūvēklis*, здесь также наряду с реконструированной формой **lópųkla(s)* имеется реальная: лтш. *lāpekļis* „починка, штопка“ (ЕН I 728).

В семантическом плане звукоподражательная этимология рус. диал. *кув́иклы* может быть поставлена в один ряд с рус. диал. *пищ́аль* стар. „дуда, сопель, свирель“ (Даль ТС III 114), а также с *пи́щик* „дудочка, свисток“, *пискúлька* „дудочка, сопелочка“ и др. (там же). Все это — обычные русские образования в отличие от слова *кув́иклы*, построенного по очень распространенной и типично балтийской словообразовательной модели. Форма *куѓиклы* представляет собой преобразование исходного *кув́иклы* под влиянием синонимичного звукоподражательного междометия *куѓи* (=кув́и), а *кув́ички* — полностью славянизированная форма слова.

В заключение — об ареале, в котором засвидетельствовано слово *кув́иклы* и соответствующая реалья. Ареал этот типичен для русских балтизмов (Брянская, Орловская и Курская области), он тесно связан также с ареалом балтийских следов в топонимике к югу (впрочем, как и к северу) от Москвы¹³. Как отмечал В. Н. Топоров, наиболее неопределенной остается восточная граница распространения балтийской топонимике в России¹⁴. По-видимому, следы этой топонимике прослеживаются вплоть до Тамбовской, Пензенской¹⁵ и Горьковской областей¹⁶. Мы не знаем, как далеко

¹² Лаучюте Ю. А. Указ. соч., с. 117–118. Иное объяснение см.: Urbutis V. Slavų kalbų pseudobaltizmai. Baltistica, t. 20 (1), p. 35: блр. *lánikla*, быть может, из редкой (согласно Ю. Лаучюте, метатезной) формы *lánilka*.

¹³ См. в связи с этим работы Б. А. Серебренникова, Х. А. Моора, В. Н. Топорова, В. В. Седова и др. исследователей — как лингвистов, так и археологов.

¹⁴ Топоров В. Н. О балтийских следах в топонимике русских территорий. — ЛКК II 57.

¹⁵ Погодин А. Л. Из истории славянских передвижений. — СПб., 1901, с. 92–93.

¹⁶ Трубе Л. Л. О балтийских элементах в гидронимии Горьковской области. — В кн.: Конференция по топонимике северо-западной зоны СССР: Тез. докл. и сообщ. Рига, 1966, с. 106–108.

на юго-запад и на юг от Москвы распространялась территория древнего балтийского племени голядь. Очевидно, что упомянутые в источниках Можайск и р. Протва, как места проживания голяди, — лишь районы, ближайшие к Москве. Балтийские гидронимы, широко распространенные в соседних Калужской, Тульской и Орловской областях¹⁷, говорят о достаточно широком ареале, в котором жили носители балтийского языка (или языков). Именно в Орловской и соседних с ней Брянской и Курской областях засвидетельствовано слово *кувиклы* (*кугиклы*, *кувички*). Брянская область непосредственно граничит с Орловской, Калужской и Смоленской областями, а также с Белоруссией. Это достаточно компактный ареал, известный не только своей балтийской топонимикой, но и большим количеством балтийских заимствований в лексике. Что касается слова *кувиклы* в Курской области, причем — в ее южной части (Обоянский район), то нужны дополнительные исследования для того, чтобы решить, может ли этот факт говорить что-либо о южной границе восточных балтизмов (на западе они четко идут по р. Припять¹⁸) или это слово вместе с реалией сравнительно поздно пришло сюда из соседних русских областей.

Наконец, ареал анализируемого слова, по-видимому, говорит о его заимствовании не прямо из литовского (как условно отмечалось выше), а из какого-то близкородственного балтийского языка¹⁹. Этим, возможно, и объясняется отсутствие слова **kūvyklai* в литовском.

¹⁷ Топоров В. Н. „Baltica“ Подмосковья. — В кн.: Балто-славянский сборник. М., 1972, с. 219.

¹⁸ Топоров В. Н. LKK II 57.

¹⁹ Ср.: Серебренников Б. А. О некоторых следах исчезнувшего индоевропейского языка в центре европейской части СССР, близкого к балтийским языкам. — MA Darbai, 1957, t. 1 (2), p. 69—71.